

УДК 94 (47).02 "08/12"

ВИТЕБСКОЕ ПОДВИНЬЕ (ПООЗЕРЬЕ) И ВЕРХНЕОЧЬЕ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ

**Майоров Анатолий Александрович, доктор исторических наук, доцент,
и.о. заведующего кафедрой истории, философии и русского языка
Орловский государственный аграрный университет им. Н. В. Парахина»,
г. Орёл, Российская Федерация**

Ключевые слова: Витебск, Подвинье, Верхнеокский регион, торгово-транспортные маршруты, этнический субстрат, присоединение к Древней Руси.

Реферат. Сопоставление исторических судеб восточнославянских регионов (Подвинья и Верхнеокского региона), находившихся на разных участках трансконтинентальных транспортных маршрутов конца I тысячелетия н.э., позволяет выявить ряд черт, указывающих на их общие и особенные черты, проследить различные последствия сходных в своей основе внешних воздействий, обозначить различия их последующих исторических судеб. Сходства и различия внутренних условий и внешних воздействий, наблюдаемые в процессах формирования и развития регионов, привели к принципиально разным результатам в административном устройстве и урбанистических процессах.

Витебск, выступающий фокусом внимания настоящей конференции, судя по всему, сумел последовательно пройти большинство известных стадий развития восточноевропейских поселений, на каждом из которых мог называться городом: населённый пункт на важном транспортном маршруте, укреплённое место дислокации вооружённой группировки, контролировавшей округу, центр самостоятельной административно-управленческой структуры, столица княжества и т. д. Определяющим в судьбе поселения следует полагать физико-географическое расположение Витебска (вернее, «протоВитебска») на месте впадения р. Витьбы в Западную Двину. Согласно существующим воззрениям, подкреплённым данными археологических исследований, зарождение Витебска произошло в IX–X вв. вследствие объединения нескольких поселений, размещавшихся на возвышенностях (Замковая гора и холмы) у устья Витьбы. Трактовки причин формирования именно здесь гнезда поселений весьма различны, так же как характер их связей с дославянским населением и выяснение специфики их взаимодействия с иными ближайшими соседями [1, с. 60–63, 122–131; 3, с. 148; 21, с. 6–7, 41; 8, с. 27; 9, с. 110 и др.]. Судя по всему, местные речные пути, как и в других местностях Восточно-Европейской равнины стали важнейшим фактором становления здесь постоянных поселений ещё в дославянские времена.

При изменении системы военно-политического контроля на восточно-европейских землях, превратившихся из прежнего «Гардара» в Русь, во множестве мест

произошло «смещение» прежних центров, приведшее, фактически, к строительству новых поселений в некотором удалении, чему яркими примерами служат Гнездово и Смоленск, Сарское городище и Ростов, Шестовица и Чернигов, Любша и Старая Ладога, Тимерёво и Ярославль и т. д. Витебск, наряду с Полоцком, Изборском, Псковом и Киевом, по-видимому, избежал такой судьбы. Судя по всему, возникновение Витебска было «запрограммировано» географически: та часть кривичей, которая поселилась и укрепилась здесь, обязательно бы постаралась создать собственный сервисный и административный пункт на значимом отроге знаменитого Austervega.

Две основные гипотезы по-разному трактуют роль местных жителей на трансконтинентальных коммуникациях. Согласно одной из них, «... роль Западной Двины... в контактах между Северной и Западной Европой, с одной стороны, и Восточной Европой – с другой, до X в. была довольно незначительной. ... с середины девятого столетия Полотчина участвовала в серебряной торговле не в качестве транзитного региона, а как тупиковая периферия «восточного пути». ... О сравнительно ранней (не позднее второй половины – конца IX вв.) дате появления норманнов в Витебске и в области к востоку от него говорят единичные находки... Ранняя дата появления варягов в районе Витебска объясняется, видимо, их стремлением контролировать один из путей поступления куфического серебра на север – с верховьев Днепра к истокам Западной Двины и далее – в Приильмень» [5, с. 277, 279, 287; 6, с. 118–120]. Соседствующие латгалы и селы рассматриваются в качестве труднопреодолимого барьера для движения товара по двинскому маршруту в VIII – начале X в. «ПротоВитебск», в данной трактовке, был богаче и значительнее Полоцка, который представлял собой невыдающийся архаичный славянский городок [6, с. 93].

Согласно же другой точке зрения, скандинавы были осведомлены о местных территориях, а Западная Двина, напротив, была востребованным торгово-транспортным маршрутом, что в значительной мере способствовало заселению здешних мест и началу формирования здесь городских поселений [18, с. 60–68; 19, с. 69–75; 20, с. 11, 12–13, 17 и др.]. Легенда об участии княгини Ольги в росте и развитии Витебска, в значительной мере отражает тот факт, что город, после утраты кривичами самостоятельности, достаточно органично был встроен в финансово-административную систему Древней Руси. Справедливо утверждение, что в случае применения любого из указанных выше подходов Витебск очевидно имел связи (прямые либо косвенные) с днепровским и волго-окским транспортными маршрутами. Последующая его история, невзирая на все драматические повороты, демонстрирует поступательный прогрессирующий рост вплоть до развитого Средневековья, несмотря на смену правящих династий и государственной принадлежности. Витебск продемонстрировал прохождение практически всех этапов городского развития, которые отмечались исследователями, придерживавшимися различных концепций становления древнерусского города [3, с. 148–152]. Интерес в настоящем тексте далее сфокусирован на втором маршруте – волго-окском – в его окской части.

В недавней статье с профессором Е. А. Шинаковым автору настоящего текста удалось обосновать совместную гипотезу о том, что «совокупность имеющихся в настоящее время источников и результатов исследований позволяет утверждать, что в IX–X веках существовала реальная возможность функционирования северо-западного маршрута Окского торгово-транспортного пути, проходившего по течению р. Угры («угровский переход») и выходившего в верховья Днепра» [15, с. 132]. Согласно ей, путь по Западной Двине являлся началом и продолжением маршрута, далее, через верховья Днепра, проходившего по р. Угра, а уже оттуда, по Оке, открывалась возможность перемещаться на Волгу либо Дон [15, с. 128-132]. Это даёт правомерный предлог для сопоставления исторических путей Витебска и его партнёров на окском отрезке стороне трансконтинентального транспортного маршрута конца I тысячелетия н.э.

Окский транспортный маршрут, как синтетическая результирующая донского и волжского маршрутов, большую часть времени своего существования контролировался этнополитическим объединением вятичей и был составной частью последовательно хазарской, северянской, самостоятельной и черниговской транспортно-торговой систем [14, с. 120–121]. Судя по всему, он служил одним из важных источников поступления монетного серебра не только в Восточную, но и в Северную Европу.

Интересной деталью, дающей исследователю гипотетическую возможность немного «удревнить» связи между Верхнеокским регионом и витебским Подвиньем является вероятное лингвистическое и культурное родство дославянских обитателей этих мест, по всей видимости ставших (более или менее) важной субстратной частью известных нам этнополитических славянских группировок – вятичей и кривичей (полочан) соответственно [11; 12]. Исходя из этих данных, следует допустить вероятность наличия не только этнокультурных, но также торговых, религиозных и политических контактов между регионами в то и в последующее время. Наличие «дославянских» контактов, а также вероятная этно-культурная и лингвистическая близость могли стать фактором, упростившим поддержание торгового взаимодействия регионов, населённых в ранние периоды вероятными балтскими этносами, почти синхронно ставшими составными частями новообразованных восточнославянских группировок.

Первоначальный ход развития верхнеокских земель был весьма схож с ситуацией вдоль Западной Двины: славяне пришли на относительно обжитые территории, ранее заселённые балтами. Относительно хорошо изученным источником сведений об этом этапе является Супрутское городище, бывшее, по всей видимости, значимым региональным транспортно-административным центром, находки с которого составили уникальную коллекцию, сочетающую предметы «славянского (роменского), хазарского (салтовского) и скандинавского происхождения», а также большое количество балтских и «поволжско-финских древностей» [16; 2, с. 236–240]. На базе «супрутских образцов», по всей видимости, возникли некоторые этноопределяющие черты роменско-боршевской археологической культуры [13, с. 93].

Прохождение восточного монетного серебра через окский маршрут, по Угре, затем – через верховья Днепра и далее, вероятно, на Западную Двину и Балтику

отмечается ещё с первых десятилетий IX в. [13, с. 90; 7, с. 385]. В отличие от придвинских земель, Верхнеочье сразу же находилось в сфере влияния и контроля неместной структуры в лице Хазарского каганата, а затем, по мере его постепенного ослабления – северянского протогосударственного объединения и вятичского этнополитического формирования, медленно подчиняемого первоначально киевскими, а затем черниговскими Рюриковичами [13, с. 90–91; 21]. Движение по «угранскому» пути шло явно в обе стороны, о чем четко говорит разнообразный характер находок, носивших как выраженный южный и восточный характер, так и отчетливо североевропейский и скандинавский [4, с. 156].

Последующая история покорения Верхней Оки Рюриковичами растянулась почти до второй половины XII в. и очевидно сопровождалась многочисленными компромиссами и договорённостями между внешними номинальными правителями и местными реальными лидерами [13, с. 106–115, 124, 131]. Наряду с разгромленными Супрутами, в источниках упоминаются вероятно местные Вантит, Корьдно (Окоредно) и Дедославль, не ставшие в итоге основой формирования местных центров. Сохранившиеся Мценск (Меченск), Кром и Новосиль, основанные, по археологическим данным, ещё в вятичские времена, превратились в опорные административные пункты древнерусской государственности, но очевидно потеряли в значении сервисно-транспортном. Количество населённых пунктов, уходящих своими корнями в «дорусские» времена, на Верхней Оке явно сократилось не менее чем на 20 % [13, с. 174; 17, с. 63–64].

Прослеживается сходство в первоначально экономических причинах интереса киевских Рюриковичей к указанным регионам – наличие маршрутов древних транспортных систем. В случае Подвинья – двинской и днепровской, в случае Верхнеочья – окско-волжской и окско-донской, имевших зоны соприкосновения в землях, прилегавших (если оценивать крупномасштабно) к Смоленску и Карачеву соответственно. Определённый «параллелизм» наблюдается в последующем длительном периоде политической ассимиляции обеих территорий державой киевских Рюриковичей. Несмотря на ранние попытки киевских князей привести обе территории к полному подчинению – в случае Подвинья Ольгой (и её вероятными потомками), а в Верхнеокском регионе Святославом – процессы эти затянулись. В отличие от придвинских территорий, сохранивших вероятный статус территорий, окружающих важный торгово-транспортный маршрут, вятичские земли на Верхней Оке, по всей видимости, потеряли свое прежнее значение источника финансовых ресурсов и перешли в позицию покоряемой Рюриковичами обычной славянской земли.

В дальнейшем, наблюдаются очевидные различия в исторических судьбах регионов. К их числу относится проблема «нефиксирования» единого регионального центра Верхнеочья: Супрутское городище времён позднего хазарского протектората было в первых десятилетиях X в. разрушено некой «северной дружиной» и более в качестве военно-административного и экономического центра не восстанавливалось. Претендующие на некую вятичскую «столичность» Корьдно (Окоредно) X в. и Дедославль XII в. до настоящего времени надёжно не локализованы: на верхнеокских

землях прослеживается последовательное исчезновение различных самостоятельных региональных центров (Корьдно, Дедославль) и постепенное усиление административных центров, изначально внедрявшихся на эти земли внешними относительно территории властями (киевской, а позднее – черниговской и новгород-северской). Это вело к очевидному отсутствию административной преемственности с «дорусскими» временами. В противоположность тому в Подвинье известны Полоцк и Витебск с богатой археологической и письменной историей.

Различны политические судьбы территорий. Верхнеочье стало составной и, во многом, окраинной частью обширного Черниговского княжества, соединившего под своей властью как часть территории днепровской Руси, так и земли северян, верхнеокских и среднеокских вятичей, радимичей, муромы. Витебская же земля относительно длительное время (вплоть до конца XIV в.) сохраняла свою особость под властью собственной княжеской династии. Витебск, пребывающий на западной части старых транспортных маршрутов Древней Руси, в своей истории прошел фактически все возможные стадии возникновения и становления древнерусского города, став в итоге самостоятельным административным территориальным центром, и может быть указан в качестве близкого к теоретическому «эталону» примера городского развития на землях восточных славян.

Список используемых источников:

1. Алексеев, Л. В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры : в 2 кн.; Ин-т археологии РАН. М. : Наука, 2006. – Кн. 1. – 290 с.
2. Археологическая карта России / под ред. Ю. А.Краснова. – М. : Институт археологии РАН, 1999. – ч. 1. – 304 с.
3. Бубенько, Т. С. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ВИТЕБСК. Посад – Нижний замок (X – первая половина XIV в.): Монография. Витебск : Издательство УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2004. – 276 с.
4. Григорьев, Г. А. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2005. – 207 с.
5. Еремеев, И. И. Полоцкая земля // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Ин-т археологии РАН; отв. ред. Н. А. Макаров. – Москва, Вологда: Древности Севера, 2012. – 496 с.
6. Еремеев, И. И. Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. – 696 с. (Труды ИИМК; т. XLIV).
7. Зорин, А. В., Шпилев, А. Г. Перед Русью (Восточная Европа в IX столетии: опыт реконструкции)// Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – С. 384–410.
8. Колединский, Л. В. Верхний замок Витебска в XI–XVII вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук; АН Белорусской ССР, Институт истории. – Минск, 1991. – 35 с.

9. Колединский, Л. В. К вопросу о планировке и застройке городов XI–XVII вв. на территории Беларуси (по данным раскопок Верхнего замка Витебска и Слуцка) // Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I – начале II тысячелетия нашей эры: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию проф. Э. М. Загоруйского, Минск, 6–7 декабря 2018 г./ Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. А. Егорейченко (науч. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2018. – 211 с.
10. Коновалова, И. Г. Походы руссов на Каспий и русско-хазарские отношения / Восточная Европа в исторической ретроспективе. М.: 1999. – С.111–120.
11. Кулаков, В. И. Козельский микрорегион в 1–7 вв. н.э. Ранняя миграция западных балтов// *Slavia Antiqua*. Т.XLIII, 2002. – С. 9–33.
12. Майоров, А. А. К вопросу об ассимиляции вятичами носителей мощинской культуры на территории Верховской историкогеографической провинции в VII–VIII веках// Ученые записки Орловского государственного университета. 2016. – № 3(72). – С. 55–62.
13. Майоров, А. А. Верхнеокские вятичи: научная монография. Орел : Издательство Среднерусского института управления - филиала РАНХиГС, 2023. – 164 с.
14. Майоров, А. А. Вятичское этнопотестарное образование в контексте экономических и политических процессов в Восточной Европе IX–X вв. // Вестник Брянского государственного университета. 2023. № 1(55). – С. 119–130.
15. Майоров, А. А., Шинаков, Е. А. Днепро-Окский путь («угровский переход») конца IX – начала XI века // Известия Смоленского государственного университета. 2023. № 1(61). – С. 125–139.
16. Мурашева, В. В. Городище у с. Супруты (IX – начало X вв.) в системе этнокультурных связей // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб – М – Великий Новгород, 2001. – С. 72.
17. Прошкин, О. Л. Освоение территории Верхнего Поочья в древнерусский период. дис.... канд. ист. наук. – М., 2001. – 374 с.
18. Самонова, М. Н. Белорусские земли на путях «из варяг в греки» и «из варяг в арабы» // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова. 2012. – Т. 13. – С. 60–68.
19. Самонова, М. Н. Полоцк в русско-скандинавских связях IX–XIII вв. (по материалам древнескандинавских источников) // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2015. № 4 (91). – С.69–75.
20. Смокотина, Д. В. Балтийско-Каспийский торговый путь в эпоху раннего средневековья (VII–IX вв.): опыт исторической реконструкции. автореф. дис.... к.и.н. Томск, 2012. – 22 с.
21. Шинаков, Е. А. О характере размещения населения степи, лесостепи и леса в древнерусскую эпоху (по материалам левобережья Днепра)//Историко-археологический сборник. № 8. Минск: Институт истории АН Беларуси, 1996. – С.239–240.
22. Штыхов, Г. В. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск: Наука и техника, 1978. – 160 с.